

Причина отставки генерала
Черняева.

Съ мѣсяцъ тому назадъ стали все съ большей настойчивостью ходить въ печати и обществѣ толки объ отзывѣ туркестанскаго генераль-губернатора, генераль-лейтенанта Черняева, и о замѣнѣ его, по однимъ слухамъ, генераль-лейтенантомъ Абрамовымъ, по другимъ, — ин. Голицынымъ, а по третьимъ — генераломъ Розенбахомъ. Такъ или иначе, но генералъ Черняевъ пользуется у насъ настолько извѣстностью, что толки объ отзывѣ его съ поста, такъ недавно еще (около 1½ года) имъ занятаго, и, притомъ, почти прямо изъ отставки, понятное дѣло, не могли не занимать общества и не проявляться въ видѣ самыхъ разнообразныхъ варіантовъ. По однимъ, напримѣръ, изъ такихъ варіантовъ, отзывъ генерала Черняева связывался съ другими, будто-бы, ожидающими его назначеніями, въ числѣ которыхъ называли весьма много и весьма важныхъ постовъ, начиная съ генераль-губернаторскаго въ сѣверо-западномъ краѣ и кончая посломъ въ Лондонѣ. По другимъ, болѣе пессимистическимъ варіантамъ, отзывъ генерала Черняева мотивировался совсѣмъ иными причинами, вытекающими, будто-бы, изъ того не вполне удобнаго положенія, въ которое, — по недостатку-ли опытности въ дѣлѣ управленія, или недостаточности знакомства съ краемъ, — онъ поставилъ себя не только по отношенію къ нашимъ среднеазиатскимъ сосѣдямъ, но и по отношенію къ высшей правительственной и мѣстной, гражданской и военной администраціи края и даже по отношенію къ туземному населенію, въ глазахъ котораго, будто-бы, онъ быстро утратилъ все свое прежнее обаяніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ все крѣпче пріобрѣтали, однако, довѣріе варіанты послѣдняго толка, подтверждавшіеся, между прочимъ, и корреспонденціями, присылаемыми изъ Туркестана. Называли даже день, когда появится указъ о замѣнѣ

г. Черняева генераломъ Розенбахомъ, принявшимъ отъ вѣкоторыхъ, — такъ говорили, по крайней мѣрѣ, — даже поздравленія съ новымъ назначеніемъ. Но указъ, однако, не появлялся, а между тѣмъ въ № 4 «Руси», 15-го февраля, появилась передовая статья, прейсполненная самыми яростными, но — не опроверженіями, однако, слуховъ, утвердившихся уже въ обществѣ относительно генерала Черняева, какъ генераль-губернатора, если даже на десятую часть вѣрныхъ, то уже вполне достаточныхъ для отзыва его — а нападеніями на власть имѣющихъ за самую мысль о возможности замѣны пзвѣстнаго генерала Черняева безъизвѣстнымъ ген. Розенбахомъ, — мысль, которая, по мнѣнію «Руси», присвоившей себѣ неограниченную монополію патріотизма, могла возникнуть только въ силу «клеветы», «интриги», «зависти», «ненависти», яко-бы питаемыхъ «нашею могущественною военною бюрократіею» къ талантливому и популярнѣйшему генералу». Читая такую обличительно — яростную родомантаду, нельзя было не прійти не только въ недоумѣніе, но въ удивленіе, и не задаться вопросомъ: да гдѣ-же, во всемъ дѣлѣ объ отзывѣ генерала Черняева, правда? гдѣ кривда!?.. Но, вотъ, вчера, 22-го февраля, появился Высочайшій приказъ, отъ 21-го февраля, полагающій конецъ толкамъ, которымъ генераль Черняевъ назначается членомъ военнаго совѣта, а генераль Розенбахъ — туркестанскимъ генераль-губернаторомъ. Настоящее назначеніе генерала Черняева, несомнѣнно, въ высшей мѣрѣ почетное назначеніе. Изъ членовъ военнаго совѣта, конечно, генераль Черняевъ можетъ быть призванъ къ еще болѣе широкой и важной государственной дѣятельности, чѣмъ та, какая до сихъ поръ была на него возложена. Все это — внѣ всякаго сомнѣнія. Но разъ отзывъ генерала Черняева сталъ совершившимся фактомъ, естественно, были-же тому и свои причины, свой *raison d'être*. Въ чемъ-же заключались онѣ, эти причины? — Въ «интригахъ-ли», «клеветѣ», «зависти», «ненависти нашей могущественной военной бюрократіи», «въ вывоченной логикѣ петербургскихъ сферъ»,

—какъ то смѣло утверждаетъ «Русь», очевидно, не допускающая иныхъ причинъ, или-же—въ причинахъ совсѣмъ иного характера, ничего общаго не имѣющихъ съ «завистью», «ненавистью» и прочими дурными, эгоистическими чувствами, а лежащихъ въ безстрастно-справедливыхъ, а потому уже не партійныхъ, соображеніяхъ государственныхъ потребностей, пользы и видовъ?! Вотъ, что желательно было-бы нынѣ знать, и именно отъ патріотической редакціи «Руси». Правда, исторія представляетъ не мало примѣровъ оставленія, какъ говорится, «на у дѣлъ» гениальныхъ и популярныхъ людей по причинамъ однихъ лишь интригъ, зависти и клеветы; но нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, сантиментальничать до того, чтобы въ отзывѣ каждаго государственнаго дѣятеля непременно усматривать судьбу Велизарія. Мы, по крайней мѣрѣ, даже на основаніи всего того, что слышали и читали въ газетныхъ корреспонденціяхъ, ни подъ какимъ ведомъ сравнивать генерала Черняева съ знаменитымъ византийцемъ не станемъ и остаемся въ глубокомъ убѣжденіи, что поводы къ отзыву пераго были весьма серьезные, солидные поводы, и, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ иные, чѣмъ тѣ, которые повлекли за собою паденіе послѣдняго. «Генералъ Черняевъ,—говоритъ «Русь»,—знаетъ Туркестанскій край какъ рѣдкій кто теперь въ Россіи...»—Какъ всякому извѣстно, Россія владѣетъ этимъ краемъ 18 лѣтъ, въ теченіи которыхъ, именно, генералъ Черняевъ и отсутствовалъ въ немъ, занимаясь, въ теченіи всего этого времени, такими дѣлами, которыя ни коимъ образомъ не могли сдѣлать его знатокомъ отдаленной нашей окраины, оставленной имъ въ видѣ нелагоустроеннаго куска земли, заселенной тремя, четырьмястами сотенъ жителей, и найденной имъ, послѣ 18 лѣтъ, въ видѣ уже громаднаго, по территоріи, края, имѣющаго почти 3 милліона народонаселенія, правда, ждущаго еще благоустройства, но во многомъ, не исключая даже устройства, уже воспринявшаго плоды цивилизаціи и нашей русской общественности. «Отозваніе генерала Черняева,—дальше говоритъ «Русь»,—произведетъ, несомнѣн-

но, тяжелое впечатлѣніе на массы русскихъ людей». Но почему-же? А потому. — говоритъ газета, — что «еще недавно представители московскаго купечества самымъ искреннимъ образомъ благодарили его за содѣйствіе въ закаспійскомъ край интересамъ русской торговли и промышленности...» Странный аргументъ. Мы допускаемъ еще, что для представителей московскаго купечества, а особенно при проводахъ на дебаркадеръ, да еще «съ бокалами въ рукахъ», не обязательно знать ни географію, ни административнаго дѣленія Россіи, но редація-то «Руси» должна была-бы во всѣхъ случаяхъ знать, что закаспійскій край составляетъ особое цѣлое, управляемое особымъ лицомъ, совершенно независимымъ отъ туркестанскаго генераль-губернатора, котораго, если уже можно хвалить или хулить за дѣянія и услуги русской торговли и промышленности, то уже, конечно, въ край, имъ управляемомъ, но никакъ не въ край, для власти его совершенно чуждомъ! — Смотрѣть на дѣло и судить о немъ иначе можно развѣ «съ бокалами въ рукахъ», да еще обладая, при томъ, дѣйствительно «вывороченною логикою», въ какой «Русь» любитъ такъ упрекать другихъ, вѣроятно, по пословицѣ: «съ больной головы на здоровую».

«Ташкентецъ», но не изъ тѣхъ..

РУССКІЙ ТУРКЕСТАНЪ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Съ доставкой и пересылкой

На одинъ годъ . . . 7 р. || На 3 мѣсяца . . . 2 р.
 На 6 мѣсяцевъ . . . 4 „ || На 1 мѣсяцъ . . . 70 к.
 За границу на годъ . . . 9 р.
 На иные сроки подписка не принимается. Разерочка по 1 рублю
 въ мѣсяцъ.
 Отдѣльный № — 6 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ.

На первой страницѣ за строчку петица (38 буквъ или ея мѣсто) — 20 к., на послѣдней страницѣ — 10 к., за каждый разъ. Объявленія въ видѣ особыхъ приложеній и годовыя — по особому соглашенію.

Подписка и розничная продажа:

Въ Ташкентѣ — въ конторѣ редакціи и книжномъ магазинѣ „Букинистъ“.

Въ Впрномъ — въ книжномъ магазинѣ Шаврова.

Въ Самаркандѣ — въ книжномъ магазинѣ „Букинистъ“.

Въ Москвѣ — приемъ подписки и объявленій въ отдѣленіи конторы редакціи въ центральной конторѣ И. К. Голубева (Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи. Телефонъ № 2204).

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ

И

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: Ташкентъ, Соборная ул., д. Умидова.

Для облегченія сношеній съ сотрудниками редакція принимаетъ статьи, замѣтки и корреспонденціи на всѣхъ общепотребительныхъ языкахъ, а также на мѣстныхъ азіатскихъ нарѣчіяхъ.

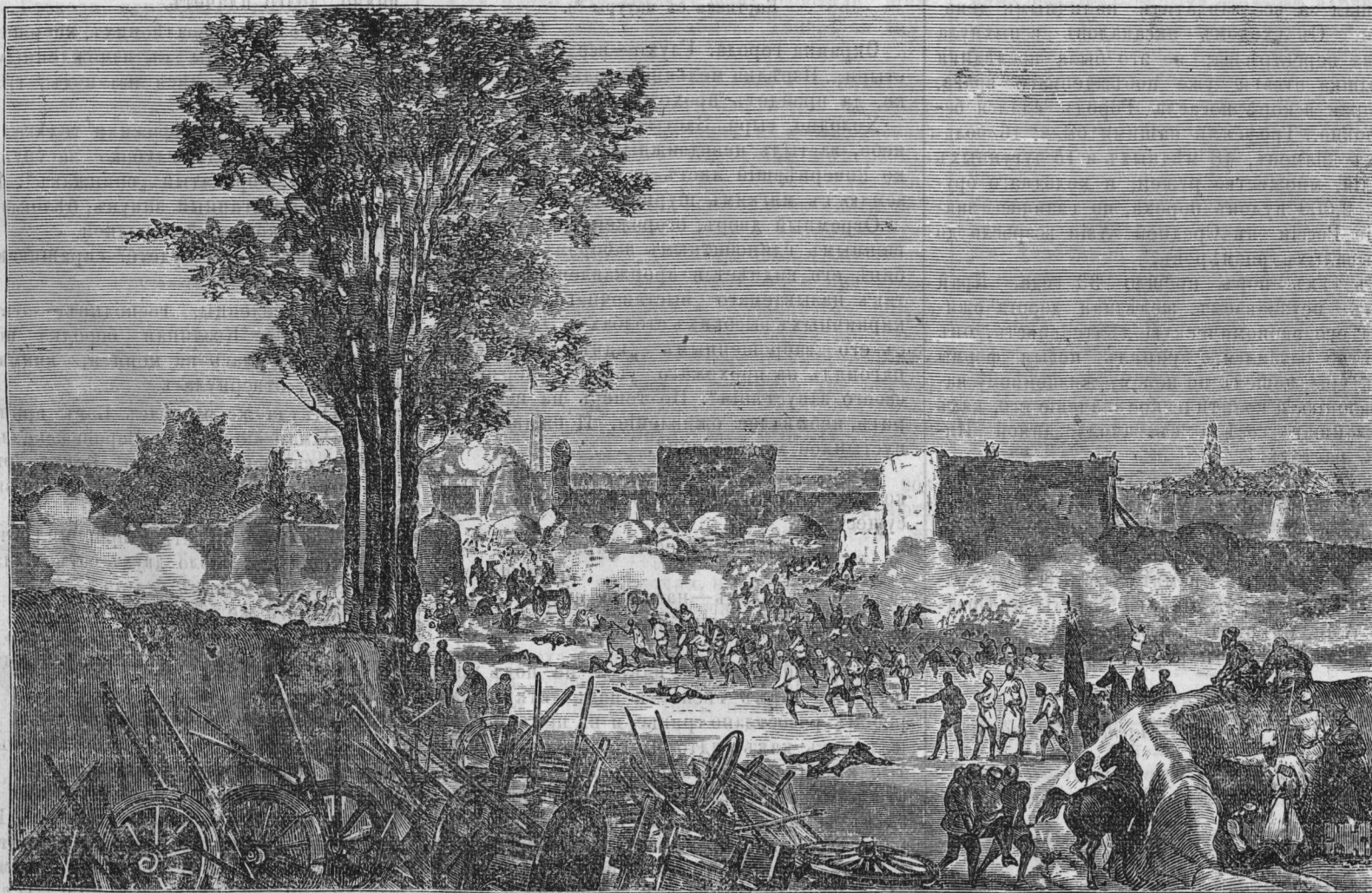
Статьи, присылаемые въ редакцію, въ случаѣ надобности подлежатъ исправленію и сокращенію

Фамиліи авторовъ, при желаніи послѣднихъ, остаются въ полномъ секретѣ.

Каждая рукопись разсматривается лишь въ томъ случаѣ, если она снабжена именемъ и фамиліей автора и полнымъ его адресомъ. Рукописи, присланные безъ указанія *размѣра* гонорара, таксируются редакціею, а рукописи безъ всякаго обозначенія гонорара, считаются безплатными.

На возвратъ рукописей должны быть приложены марки. Безъ соблюденія этого условія непринятые рукописи уничтожаются по истеченіи мѣсяца.

Для личныхъ объясненій редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 6 до 9 часовъ вечера.

Михаиль Григорьевич Черняевъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа.

Пушкинъ.

Ни къ кому такъ не примѣнимы слова
Пушкина, послужившія эпитафіею для на-

стоящаго разсказа, какъ къ М. Г. Черняеву. Его неутомимые походы по голоднымъ степнымъ пространствамъ Туркестанскаго края; знаменитое покореніе Ташкента съ горстью храбрецовъ, послужившее прочнымъ основаніемъ для русскаго могущества въ Средней Азии и другія, не менѣе важныя, заслуги,

оказанныя славянскому міру, исторія никогда не забудетъ. Она съ гордостью передастъ потомству, какъ „дѣдушка“ Черняевъ 15 іюня 1865 года, съ 1950 солдатами, при 12 орудіяхъ, съ однимъ комплектомъ снарядовъ, рѣшился штурмовать укрѣпленный городъ Ташкентъ, имѣющій 24 версты въ ок-

ружности, болѣе 100 тысячъ населенія, 30 тысячъ отборнаго туземнаго войска, при 50 орудіяхъ, и значительныя оборонительныя средства. Планъ штурма по словамъ А. И. Макшеева, состоялъ въ томъ, чтобы въ ночь съ 14 на 15 іюня главный отрядъ (7 ротъ съ 8 орудіями) подошелъ къ Камеланскимъ воротамъ, въ юго-восточной сторонѣ города, и на разсвѣтѣ атаковалъ ихъ посредствомъ штурмовыхъ лѣстницъ, а другой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Краевского (3 роты съ 4 орудіями), демонстрировалъ въ сторонѣ Кокандскихъ воротъ, въ шести верстахъ отъ Камеланскихъ и, не предпринимая ничего рѣшительнаго, поддерживалъ атаку, бомбардируя городъ. По занятіи же наружной ограды, передовымъ войскамъ главнаго отряда предположено немедленно двинуться по улицѣ, ведущей кругомъ городской стѣны, и, дойдя до Кокандскихъ воротъ, отворить ихъ полковнику Краевскому, а затѣмъ двинуться уже дальше и завладѣть цитаделю.

Лишь только наступила желанная темнота, первая штурмовая колонна, состоящая изъ охотниковъ и 2½ ротъ пѣхоты подъ начальствомъ штабсъ-капитана Абрамова, двинулась впередъ.

— Ребята! паутствовалъ ихъ храбрый командиръ: не шумѣть, не разговаривать, чтобы не возбудить подозрѣніе непріятеля и не обнаружить себя. Когда же подойдемъ къ крѣпостной стѣнѣ—живо лѣстницы и безъ выстрѣла на верхъ, въ штыки! Помните, что отъ вашего молодецкаго удара зависитъ успѣхъ всего дѣла.

Было 3 часа ночи, тишина кругомъ царила невозмутимая, природа точно замерла въ ожиданіи надвигавшихся ужасовъ смерти. Непритель, обманутый окружающимъ спокойствіемъ, безпечно дремалъ подлѣ своихъ грозныхъ пушекъ, разставленныхъ по барбетахъ. Когда лѣстницы были поставлены, солдаты, привыкшіе къ гимнастическимъ упражненіямъ, точно кошки взбѣжали на верхъ и съ крикомъ „ура!“ кинулись на часовыхъ. Долго потомъ въ прозрачной мглѣ утренняго разсвѣта раздавался глухой лязгъ

стали и желѣза. Всѣ были переколоты, орудія заклананы и сброшены въ ровъ.

— Артамоновъ! крикнулъ Абрамовъ одному изъ охотниковъ: возьми нѣсколько человѣкъ и живо отвори ворота.

— Слушаю, вашъ—бродіе, отвѣчалъ Артамоновъ, утирая грязнымъ рукавомъ рубахи струящуюся по лицу кровь, и стремглавъ бросился внизъ. Раздался трескъ, ворота рухнули, и, когда вторая колонна стала втягиваться въ городъ, отрядъ Абрамова, свернувъ вправо, двинулся вдоль городской стѣны.

Непріятель, ошеломленный дружнымъ натискомъ русскихъ, опомнился, и на слѣдующемъ барбетѣ встрѣтилъ Абрамова огнемъ изъ 4-хъ орудій, но черняевскіе солдаты были закалены въ огнѣ, и барбетъ былъ взятъ штыками. Защитники, послѣ отчаяннаго сопротивленія, пали, взывая къ Аллаху о мщеніи. Такая же участь постигла и остальные укрѣпленныя мѣста. Михаилъ Григорьевичъ зорко слѣдилъ за ходомъ боя. Когда непріятельская пѣхота сосредоточилась противъ нашего лѣваго фланга и съ барабаннымъ боемъ и крикомъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ бросилась на войска, онъ, двумя удачно пущенными пудовыми фугасными ракетами, ослабилъ ихъ натискъ и, ударивъ въ штыки, навелъ такой на нихъ страхъ, что они, потерявъ голову, кинулись въ разныя стороны, оглашая воздухъ дикими криками ужаса. Пораженіе непріятеля было полное: онъ бѣжалъ на всѣхъ пунктахъ, и только въ глухихъ мѣстахъ, за разными искусственными прикрытіями, держались еще разрозненныя кучки, которыя приходилось выбивать штыками. Вечеромъ, когда взошла луна и освѣтила картину страшнаго побоища, раздались торжественные звуки: „Коль славенъ“... Солдаты, обнаживъ головы и опустившись на колѣни, набожно крестились, благодаря Всевышняго за дарованную побѣду. Явились аксакалы съ изъявленіемъ покорности. Они низко кланялись Черняеву и почтительно, приложивъ руку къ сердцу, просили его пощадить городъ. Онъ отвѣчалъ, что имъ нечего бояться, никто ихъ

не тронетъ, если они сами не вызовутъ столкновенія и отпуская приказалъ немедленно доставить для войскъ продовольствіе, общая за все заплатить наличными деньгами. Съ уходомъ аксакаловъ вспыхнула снова перестрѣлка; но это была послѣдняя вспышка отваги уже побѣжденнаго врага, которая вскорѣ погасла. Городъ сдался безусловно. Трофеями нашими были: 16 большихъ знаменъ, 48 мѣдныхъ и 15 чугунныхъ орудій, множество ружей и холоднаго оружія, 2,000 пудовъ пороха, но главное—значеніе Россіи въ Средней Азіи возросло до небывалыхъ размѣровъ.

Съ тѣхъ поръ прошло 33 года. Край сталъ неузнаваемъ, желѣзная дорога оживила его экономическую дѣятельность, онъ замѣтно развился, принялъ новыя формы культуры, пошелъ по новому жизненному направленію, и политическое значеніе его, какъ ближайшаго сосѣда съ заколдованной Индіей, растеть.

Воздадимъ же должную дань благодарности покойному Михаилу Григорьевичу Черняеву за даръ, принесенный имъ Россіи завоеваніемъ Ташкента и пожелаемъ, чтобы проектированный памятникъ русскому солдату, олицетворяющій его побѣды въ Средней Азіи, смѣнилъ скорѣе глиняную модель, выставленную въ нашемъ городскомъ саду.

Алексій Ивановъ.

Основанъ А. С. Суворинымъ и С. Н. Шубинскимъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

ПАМЯТИ М. Г. ЧЕРНЯЕВА.

ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ 1914 году исполняется пятидесятилѣтіе тому знаменательному событію, непосредственнымъ результатомъ котораго было выдѣленіе пограничныхъ областей на нашемъ крайнемъ юго-востокѣ, въ глубинѣ киргизскихъ степей, въ особое административно-политическое цѣлое подъ наименованіемъ передовой Кокандской линіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ политической географіи появился новый многозначительный терминъ—«Среднеазиатскія владѣнія Россіи».

Событіе это—исполненіе предудказаннаго еще императоромъ Николаемъ I сомкнутія нашей степной юго-восточной границы, соединенія линій нашихъ передовыхъ укрѣпленій, выдвинувшихся вглубь степей со стороны рѣкъ Урала и Иртыша, отъ Оренбурга и отъ Сибири.

Приготовленія къ выполненію этого предначертанія начались съ весны 1864 года, а затѣмъ изъ конечныхъ пунктовъ были двинуты отряды навстрѣчу одинъ другому: изъ форта Перовскаго подъ начальствомъ полковника Веревкина, а изъ укрѣпленія Вѣрнаго подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Черняева.

Ближайшимъ слѣдствіемъ движенія этихъ отрядовъ было занятіе попутныхъ кокандскихъ городовъ—со стороны Оренбурга города Туркестана 12-го іюня, со стороны Сибири—города Ауліеаты 4-го іюня.

Послѣ этого между этими крайними городами незанятаго пространства осталось еще болѣе двухсотъ пятидесяти верстъ.

Отрядъ въ Туркестанѣ началъ уже приводить занятый городъ въ оборонительное состояніе, сталъ устраиваться здѣсь на зиму, не предполагая, повидимому, продвигаться далѣе, и новой пограничной линіей намѣчалась рѣчка Арысь, впадающая въ Сыръ-Дарью.

Въ замкѣ этой пограничной линіи, внѣ ея, въ углѣ сходящихся главныхъ путей изъ Сибири и съ низовьевъ Сыръ-Дарьи, со стороны Оренбурга, и ведущихъ далѣе вглубь страны, въ центрѣ цвѣтущаго оазиса, находилась сильная кокандская крѣпость Чимкентъ, считавшаяся неприступной.

Правитель ханства, мулла Алимъ-кулъ уже стягивалъ сюда значительныя силы, чтобы оказать противодѣйствіе наступленію русскихъ отрядовъ. Въ горахъ Каратау, въ вершинѣ рѣчки Аристанды, стоялъ съ шайкой киргизскій предводитель султанъ Саддыкъ и наблюдалъ за дорогами отъ Чимкента къ Туркестану, препятствуя начальнику русскаго отряда въ послѣднемъ городѣ получать вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ подъ Чимкентомъ, и полковникъ Веревкинъ почти ничего не зналъ о сосредоточеніи у этой крѣпости значительныхъ кокандскихъ силъ; онъ даже почему-то былъ увѣренъ, что городъ Чимкентъ занятъ весьма слабо и не можетъ оказать серьезнаго сопротивленія.

У Черняева дѣло развѣдки было налажено значительно лучше. Онъ былъ вполне освѣдомленъ о намѣреніяхъ противника и о сосредоточеніи у Чимкента громаднхъ скопищъ, готовыхъ обрушиться или на Аулиеату, или на Туркестанъ и уничтожить по одинокѣ малочисленные русскіе отряды. Но Алимъ-кулъ медлилъ, выжидая чего-то. Это промедленіе и измѣнило положеніе дѣлъ.

Свои свѣдѣнія о сосредоточеніи у Чимкента большихъ силъ непріятеля Черняевъ своевременно сообщалъ въ Туркестанъ Веревкину, но тамъ съ недоувѣріемъ относились къ этимъ сообщеніямъ и, считая ихъ преувеличенными, не придавали имъ особеннаго значенія.

Черняевъ же вполне правильно оцѣнивалъ значеніе Чимкента, какъ узла дорогъ. Пока этотъ пунктъ будетъ находиться въ рукахъ кокандцевъ, спокойствія на новой линіи быть не можетъ; граница по рѣкѣ Арыси будетъ непрочна, чисто призрачная; кокандцы не захотятъ и не будутъ ее признавать. Поэтому, чтобы обезпечить спокойствіе своего зачуйскаго отряда, онъ не сталъ дожидаться наступленія и нападенія кокандцевъ, а рѣшилъ самъ двинуться противъ нихъ и нанести имъ ударъ въ самомъ пунктѣ ихъ сосредоточенія. О своемъ движеніи изъ Аулиеаты Черняевъ сообщилъ въ Туркестанъ полковнику Веревкину и просилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ выслать къ нему навстрѣчу для поддержки отрядъ изъ Туркестана силою около двухъ ротъ съ артиллеріей и кавалеріей.

Такой отрядъ и былъ высланъ подъ начальствомъ капитана генеральнаго штаба Мейера, силою въ общемъ въ четыреста пять человѣкъ съ тремя орудіями и однимъ ракетнымъ станкомъ.

Не придавая особеннаго значенія полученнымъ отъ Черняева свѣдѣніямъ о скопленіи подъ Чимкентомъ большихъ силъ кокандцевъ, а, напротивъ, видя лишь здѣсь легкую добычу, Мейеръ самоувѣренно двинулся впередъ. Онъ рѣшилъ воспользоваться представлявшимся ему удобнымъ случаемъ, словить моментъ своей близости къ Чимкенту и вмѣсто того, чтобы идти навстрѣчу сибирцамъ, онъ, пославъ Черняеву письмо, что будетъ ждать его на переправѣ черезъ Арысь, самъ направился прямо къ Чимкенту, рассчитывая постигнуть туда раньше сибирцевъ и самолично, безъ посторонней помощи и не подъ чужимъ начальствованіемъ, захватить «слабую» кокандскую крѣпостцу, написать объ этомъ хлесткую реляцію, выставивъ себя героемъ, и пожать лавры побѣдителя въ пику сибирцамъ. Но предположенія не оправдались. Вмѣсто легкой побѣды капитанъ Мейеръ попался впросакъ, напоролся на рожонъ. Утянувшись за отступавшими слабыми кокандскими развѣздами, онъ неожиданно угодили въ ловушку. Утромъ 13-го іюля малочисленный русскій отрядъ, не доходя двѣнадцати верстъ до Чимкента, на урочищѣ Акъ-Булакъ, близъ горы Алтынъ-Тюбе, былъ внезапно окруженъ двѣнадцатитысячнымъ скопищемъ кокандцевъ, въ продолженіе трехъ дней держался въ осадѣ и понесъ при этомъ значительныя потери.

Черняеву со своимъ, тоже весьма не сильнымъ отрядомъ, пришлось въ это время употреблять чрезвычайныя усилія отъ насѣдавшихъ многочисленныхъ шаекъ непріятеля, чтобы подать руку помощи зарвавшемуся собрату, причемъ онъ, введенный въ заблужденіе письмомъ Мейера объ ожиданіи на переправѣ, напрасно сдѣлалъ большой кругъ по правому берегу рѣки Арыси къ мѣсту переправы. А потому высланный имъ на поддержку Мейера отрядъ подъ командою подполковника Лерхе, принужденный съ великимъ трудомъ пробиваться черезъ преграждавшія ему дорогу кокандскія скопища, немного опоздалъ и уже не засталъ капитана Мейера на мѣстѣ печальной трехдневной осады. Послѣдній, воспользовавшись непонятной благосклонностью кокандскаго предводителя, утромъ 16-го іюля, часа за два до прихода сибирцевъ, успѣлъ безпрепятственно выбраться изъ своей западни и, никѣмъ не преслѣдуемый, спокойно отходилъ по дорогѣ къ Туркестану; но по настоятельному распоряженію полковника М. Г. Черняева долженъ былъ вернуться и въ тотъ же день вечеромъ соединился съ отрядомъ подполковника Лерхе; а на другой день, 17-го іюля, вмѣстѣ съ нимъ присоединился къ главному сибирскому отряду на урочищѣ Кошъ-Тюрмень

М. Г. Черняевъ устроилъ здѣсь оренбуржцамъ торжественную встрѣчу и въ краткой рѣчи, обращенной къ войскамъ обоихъ корпусовъ, указалъ на важность происшедшаго соединенія отрядовъ.

По словамъ участника этого событія, Черняевъ, стоя посрединѣ между выстроившимися другъ противъ друга отрядами, пришедшими съ противоположныхъ концовъ, сказалъ слѣдующее:

«Настоящій день есть историческое событіе, предначертанное въ Бозѣ почивающимъ государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, коимъ было выражено желаніе о соединеніи отрядовъ корпусовъ Сибирскаго и Оренбургскаго. Только теперь это достигнуто. Помолимся же объ упокоеніи его души!»

Войска взяли на молитву и обнажили головы; а М. Г. Черняевъ провозгласилъ:

«Перекрестимся же, ребята, за вѣчную память Николая Павловича!»

И войска трижды осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, а затѣмъ, накрывшись, взяли «на караулъ», и Черняевъ провозгласилъ «ура» за здоровье государя императора Александра Николаевича. Громовое ура прокатилось по рядамъ войскъ, загремѣлъ пушечный салютъ, возвѣстившій киргизскимъ степямъ, что съ этого дня здѣсь окончательно водворилось и утверждено русское господство.

Послѣ этой простой встрѣчи Черняевъ обошелъ и осмотрѣлъ отрядъ капитана Мейера, перецѣловался съ офицерами, большинство которыхъ зналъ по службѣ въ Оренбургѣ и по прошлогодней рекогносцировкѣ Каратаускихъ горъ. Затѣмъ онъ осмотрѣлъ больныхъ и раненыхъ этого отряда, которыхъ немедленно приказалъ поудобнѣе устроить въ нарочно приготовленныхъ для нихъ баракахъ и приступить къ перевязкѣ и къ оказанію имъ врачебной помощи, которой они были лишены въ своемъ отрядѣ въ продолженіе четырехъ сутокъ. Всего раненыхъ, больныхъ и слабыхъ въ отрядѣ было около ста человѣкъ. Здоровымъ же проголодавшимся оренбуржцамъ былъ приготовленъ обѣдъ и выдана водка.

Въ этомъ историческомъ событіи, соединеніи пограничныхъ линій, участвовали: со стороны Сибири въ отрядѣ полковника Черняева: 1-ая, 3-ья, 4-ая и стрѣлковая роты 8-го западно-сибирскаго батальона, стрѣлковая рота 3-го и 5-го западно-сибирскихъ же батальоновъ ¹⁾, одна сотня сибирскихъ казаковъ, дивизіонъ полевой батареиной батареи, дивизіонъ конно-артиллерійской № 21-ой батареи сибирскаго казачьяго войска, пѣшій горный артиллерійскій взводъ, два ракетныхъ станка и до двухсотъ киргизовъ милиціонеровъ; со стороны Оренбурга отъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса въ отрядѣ капитана Мейера находились: сводная рота

¹⁾ Изъ этихъ стрѣлковыхъ ротъ затѣмъ сформированъ 1-й туркестанскій стрѣлковый батальонъ, вошедшій въ 1-й туркест. стрѣлк. полкъ.

№ 5-го и взводъ (полурота) 4-й роты № 4-го оренбургскаго линейныхъ батальоновъ, три легкихъ орудій съ прислугой Перовской крѣпостной артиллеріи, оренбургская казачья есаула Савина сотня съ однимъ ракетнымъ станкомъ, прислугой у котораго были казаки той же сотни, да, кромѣ того, сорокъ киргизовъ-волонтеровъ.

Такъ произошло сомкнутіе пограничной линіи.

Между тѣмъ, Михаилъ Григорьевичъ вошелъ въ переговоры съ регентомъ Кокандскаго ханства муллою Алимъ-куломъ, которые продолжались около недѣли; были начаты по почину Алимъ-кула, но ни къ чему не привели.

Наши войска, пользуясь при этомъ перерывомъ военныхъ дѣйствій, нѣсколько отдохнули отъ перенесенныхъ трудовъ. Время это, главнымъ образомъ, было употреблено на перевязку раненыхъ и леченіе больныхъ туркестанскаго отряда и, кромѣ того, весь лагерь окопался рвомъ.

22-го іюля, оставивъ на мѣстѣ весь обозъ и въ прикрытіе къ нему туркестанскій отрядъ подъ начальствомъ капитана Мейера и взявъ изъ него съ собой лишь полусотню оренбургскихъ казаковъ да одно орудіе, Черняевъ со своими сибирцами направился къ Чимкенту, произвелъ рекогносцировку его укрѣпленій, причемъ нанесъ выставленной противъ него кокандской конницѣ значительный уронъ. А 24-го іюля отрядъ капитана Мейера былъ отправленъ въ Туркестанъ въ сопровожденіи одной роты съ однимъ орудіемъ отъ сибирскаго отряда. Самъ же Черняевъ съ остальной частью своего отряда двинулся въ городъ Аулиеату; а черезъ два мѣсяца онъ возобновилъ свои дѣйствія противъ Чимкента.

Взявъ значительныя части изъ сибирскаго и оренбургскаго отрядовъ, Черняевъ направилъ изъ городовъ Аулиеаты и Туркестана къ Чимкенту, гдѣ они и соединились 19-го сентября, съ котораго и началась осада города, завершившаяся штурмомъ цитадели на неприступной возвышенности, взятіемъ ея и города, защищаемыхъ десяти тысячнымъ гарнизономъ изъ лучшихъ войскъ ханства.

Въ городѣ Чимкентѣ Михаилъ Григорьевичъ и обосновалъ послѣ того свою главную квартиру и управленіе передовой линіей.

Такимъ образомъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ къ концу 1864 г. русское знамя развѣвалось уже надъ тремя пограничными кокандскими твердынями.

Попытка овладѣть въ томъ же году и Ташкентомъ успѣха не имѣла; но зато она удалась въ слѣдующемъ 1865 году. Черезъ восемь съ половиной мѣсяцевъ послѣ взятія Чимкента генералъ Черняевъ съ горстью русскихъ войскъ отчаяннымъ штурмомъ 15-го іюня овладѣлъ этимъ громаднымъ городомъ съ стотысячнымъ населеніемъ, тридцатитысячнымъ гарнизономъ и многочисленной артиллеріей, и побѣдное русское знамя развернулось и зарѣяло

на крѣпостной башнѣ и этого города. Въ будущемъ 1915 году этому событію также исполняется пятьдесятъ лѣтъ.

Итакъ, въ текущемъ году справляютъ свои пятидесятилѣтніе юбилей существованія подъ русскимъ владычествомъ города Аулие-ата—4-го іюня, Туркестанъ—12-го іюня и Чимкентъ—22-го сентября, а въ будущемъ году очередь за Ташкентомъ.

Чѣмъ-то ознаменуютъ поименованные города свои пятидесятилѣтнія годовщины?

Въ Туркестанѣ, ставшемъ теперь безуѣзнымъ городкомъ, до сихъ поръ еще ничѣмъ не отмѣчено его присоединеніе къ Россійской державѣ, да врядъ ли это онъ сможетъ сдѣлать и теперь.

Въ городѣ Аулиеатѣ уже имѣется памятникъ въ память взятія города русскими войсками, поставленный въ 1889 году по случаю двадцатипятилѣтія событія. Сложенъ онъ изъ жженого кирпича и почему-то поставленъ въ туземной части города, на старомъ кладбищѣ, хотя, какъ извѣстно, при занятіи города убитыхъ русскихъ воиновъ не было; странно также, что на немъ нѣтъ никакой надписи, словно въ русскомъ языкѣ не нашлось подходящихъ для того словъ, чтобы изобразить хоть самое краткое обозначеніе причины постановки памятника. Хоть бы ужъ къ пятидесятилѣтнему юбилею догадались и удосужились это сдѣлать, а то вѣдь можно предвидѣть, что новые люди, новые обыватели города и молодое поколѣніе такъ и не будутъ знать, по какому случаю сооруженъ этотъ памятникъ. Неужели придется имъ обращаться за разъясненіемъ къ археологамъ и къ архивовѣдамъ. Пожалуй, что и помѣшаетъ еще кому-нибудь сіе сооруженіе или кирпичи кому-нибудь понадобятся, глядишь—и исчезнетъ историческій памятникъ.

Въ городѣ Чимкентѣ два памятника напоминаютъ о черняевскихъ временахъ и побѣдахъ. Одинъ находится въ старой крѣпости надъ обрывомъ и господствуетъ надъ раскинувшимся внизу городомъ. Построенъ онъ въ 1889 году, по случаю двадцатипятилѣтней годовщины взятія города русскими, на средства военно-инженернаго вѣдомства. На передней сторонѣ памятника имѣется доска съ надписью: «Памяти воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости Чимкента 22-го сентября 1864 года».

Другой памятникъ находится внѣ города на мѣстѣ бывшей русской осадной батареи и гдѣ были похоронены первоначально нѣкоторые изъ убитыхъ чиновъ русскаго отряда. Онъ сооруженъ въ 1912 году по почину уѣзднаго начальника В. П. Колосовскаго и также никакой надписи еще не имѣетъ.

Чимкентъ, однако, не довольствуется этими памятниками, а думаетъ соорудить особый, болѣе величественный монументъ генералу М. Г. Черняеву и непременно окончить и открыть его въ текущемъ году въ знаменательный день пятидесятилѣтія 22-го

Памятникъ въ гор. Аулиеатѣ въ память взятія его 4-го іюня 1864 г.
отрядомъ полковника Черняева.

сентября. Къ этому же дню приурочивается и освященіе вновь
выстроеннаго соборнаго храма. Проектъ памятника разработы-
вается мѣстнымъ художникомъ, составителемъ проекта памятника
Кауфману въ Ташкентѣ; стоимость сооруженія опредѣляется въ
шестнадцать тысячъ рублей.

Затрудняясь выполнить такой крупный расходъ своими собственными средствами, чикментское городское хозяйственное управление обращалось черезъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области въ ташкентскую городскую думу съ ходатайствомъ оказать пособіе изъ ташкентскихъ городскихъ суммъ на сооруженіе памятника Черняеву въ Чикментѣ. Но ташкентская дума отклонила это ходатайство какъ потому, что не имѣетъ на это свободныхъ средствъ, такъ и потому, что она ассигновала крупную сумму на сооруженіе въ Ташкентѣ памятника императору Александру II и, кромѣ того, ташкентская дума сама предполагаетъ строить памятникъ тому же генералу Черняеву.

Къ сожалѣнію только, надо сказать, ташкентская дума поздно хватилась за это дѣло. Давно бы слѣдовало ташкентскому городскому общественному управленію подумать о томъ, чтобы достойнымъ образомъ почтить память покорителя Ташкента; но оно совсѣмъ забыло объ этомъ, увлекшись постановкой другихъ памятниковъ. Да и не только забыло, а, пожалуй, даже и совсѣмъ думало отдѣлаться отъ этого вопроса, и вовсе не предполагало чтить своего созидателя соответственнымъ монументомъ. Думали просто отдѣлаться отъ этой докучной мысли тѣмъ, что въ Ташкентѣ, молъ, есть уже памятникъ-бюстъ Черняеву, есть памятникъ павшимъ воинамъ и особо русскому солдату, да, кромѣ того, сооружается памятникъ генераль-губернатору фонъ-Кауфману и войскамъ, покорившимъ Среднюю Азію, слѣдовательно, въ томъ числѣ и генералу Черняеву, какъ покорителю края. Постановкой послѣдняго памятника думали убить не только двухъ, а даже нѣсколькихъ зайцевъ сразу. Поэтому въ первоначальное заданіе на составленіе проекта памятника по конкурсу и было включено условіе, чтобы у подножія главной фигуры генерала Кауфмана размѣстить медальоны съ барельефами или небольшія статуэтки или бюсты другихъ туркестанскихъ дѣятелей, покорителей и устроителей края: Колпаковского, Абрамова, Скобелева и, какъ бы изъ милости, Черняева. Проектъ по такому заданію и былъ выработанъ однимъ изъ скульпторовъ, представленъ на конкурсъ и даже, за неимѣніемъ ничего болѣе лучшаго, удостоенъ первой преміи. Но къ общему удовольствію онъ не былъ принятъ къ исполненію. Державный вождь земли русской не допустилъ видимаго и непомѣрнаго возвеличенія генерала Кауфмана путемъ униженія другихъ славныхъ именъ народныхъ героевъ. Сооруженіе памятника по этому проекту не было разрѣшено, и премированный проектъ такъ и остался проектомъ и теперь хранится въ ташкентскомъ музеѣ.

Послѣ того былъ одобренъ новый проектъ, составленный мѣстнымъ художникомъ, по нему и сооруженъ открытый весной 1913 г. памятникъ въ центрѣ Ташкента, въ Константиновскомъ скверѣ

первому туркестанскому генераль-губернатору генераль-адъютанту фонъ-Кауфману, устроителю края.

Открытие этого памятника было приурочено и состоялось въ тридцать первую годовщину смерти Константина Петровича и совпало съ сорокалѣтней годовщиной тѣхъ тяжкихъ испытаній, тѣхъ невыносимо мучительныхъ терзаній, которыя пришлось перенести и пережить 3-го и 4-го мая 1873 года туркестанскому отряду войскъ, шедшихъ усмирять Хиву, при переходѣ черезъ Кизиль-Кумскую пустыню, во время остановки на урочищѣ Алты-Кудукъ и которыя чуть не привели къ конечной гибели отряда и къ краху самого

Памятникъ въ гор. Чимкентѣ въ честь воиновъ, павшихъ при взятіи крѣпости 22-го сентября 1864 г., сооруженъ въ 1889 г.

предпріятія, когда даже самъ главный вождь растерялся и отчаивался въ счастливомъ исходѣ.

Новый памятникъ какъ будто посвящается всѣмъ покорителямъ Средней Азіи, на что указываютъ надписи на таблицахъ (перечисленія войсковыхъ частей). И, повидимому, постановкой его хотѣли, съ одной стороны, удовлетворить родственниковъ покойнаго генерала-губернатора, давно хлопотавшихъ о сооруженіи на народныя средства монумента ихъ родичу; а съ другой—думали осуществить мысль генерала Черняева почтить заслуги русскаго воинства передъ родиной. Поэтому на его сооруженіе и были употреблены деньги свыше шестнадцати тысячъ рублей, собранныя на памятникъ покорителямъ и устроителямъ Туркестана.

Но вторая цѣль вполнѣ не достигается. Все-таки монументомъ возвеличивается главнымъ образомъ только одинъ Кауфманъ, о прочихъ герояхъ Туркестана ничто въ немъ не напоминаетъ. Не даромъ же онъ называется кауфманскимъ. На это указываютъ и надписи, а болѣе всего вѣнчающая памятникъ бронзовая группа, въ которой первенствующее мѣсто занимаетъ фигура генерала фонъ-Кауфмана.

Памятникъ представляетъ башню средне-азиатскаго города. На верху ея стоитъ во весь ростъ бронзовая фигура покойнаго генерала съ опущенной книзу обнаженной саблей, какъ будто еще не время вложить ее въ ножны, а еще надо продолжать съ кѣмъ-то войну. Сзади генерала бронзовый знаменщикъ-пѣхотинецъ водружаетъ распущенное русское знамя, а влѣво, отвернувшись въ поле, бронзовый трубачъ казакъ трубить «отбой».

Отбой-то всѣмъ завоевательнымъ походамъ и дальнѣйшему наступательному движенію былъ данъ дѣйствительно при Кауфманѣ; при немъ завершился въ Средней Азіи нашъ героическій періодъ. Но вотъ русское-то знамя надъ среднеазиатскими твердынями водружено впервые не имъ и не при немъ. Оно развернулось надъ кокандскими пограничными городами еще въ 1864 г., а надъ Ташкентомъ, надъ столицей русскаго Туркестана, водружено 15-го іюня 1865 года генераломъ Черняевымъ послѣ отчаяннаго штурма. А между тѣмъ вотъ объ этомъ-то самомъ героѣ все какъ-то забываютъ, не брегутъ его памятью. А не дерзни онъ послушаться приказаній изъ Петербурга, не дерзни взять съ боя огромный укрѣпленный среднеазиатскій городъ и не подари его Россіи, еще неизвѣстно, что бы было съ русскимъ Туркестаномъ, какъ бы сложились его судьбы, тѣмъ болѣе, что наше правительство, опасаясь раздражать Англію, упорно не хотѣло присоединять Ташкента къ русскимъ владѣніямъ, а предпочитало лучше образовать изъ него на своей границѣ какое-то особое фантастическое ханство подъ своимъ покровительствомъ. Вотъ тогда ужъ не было бы ни Туркестанскаго генераль-губернаторства, ни туркестанскаго генерала-губернатора, и фонъ-Кауфману не пришлось бы устраивать Туркестанъ.

Въ будущемъ году исполняется пятьдесятъ лѣтъ тому героическому событію, которое подарило Россіи богатый край и которое круто измѣнило судьбы Средней Азіи. Ташкентъ разросся, расцвѣлъ, сталъ столицей русскаго Туркестана. А въ немъ все еще нѣтъ достойнаго памятника счастливому событію и герою, виновнику эго. А давно бы пора подумать объ этомъ и почтить заслуги незабвеннаго Михаила Григорьевича. Но, повидимому, Ташкентъ еще не скоро украсится черняевскимъ монументомъ. По крайней мѣрѣ къ знаменательному дню пятидесятилѣтія его еще не будетъ. Дай Богъ, если городъ удосужится произвести хоть закладку

будущаго памятника. Еще не приступалось даже къ составленію проекта его.

Правда, у дома инвалидовъ, недалеко отъ Черняевского дома, имѣется небольшой памятникъ покорителю азіатскаго и основателю русскаго Ташкента, но городу должно быть за него стыдно. Неказистый памятникъ этотъ представляетъ четырехгранную колонку, построенную на остатки отъ инженерныхъ смѣтъ и служащую постаментомъ для небольшого бронзоваго бюста Михаила Григорьевича. Бюстъ этотъ—частный даръ великаго князя Николая Константиновича.

Осенью прошлаго года одинъ изъ городскихъ гласныхъ пакоонецъ возбудилъ вопросъ о необходимости соорудить Черняеву памятникъ ко дню пятидесятилѣтія взятія Ташкента. Городская управа внесла этотъ вопросъ на обсужденіе городской думы, причемъ указала и приличное мѣсто для памятника на углу улицъ Кауфманской, Романовской и Соборной площади. Городская дума постановила (2-го октября 1913 г.) возбудить ходатайство о разрѣшеніи сбора пожертвованій на этотъ памятникъ по всей Россіи. При обсужденіи вопроса гласные изъ туземцевъ-сартовъ настаивали на томъ, чтобы памятникъ покорителю Ташкента поставить въ туземной части города. Нѣкоторые же изъ гласныхъ, въ виду сбора пожертвованій на памятникъ императору Александру II, находили неудобнымъ теперь ходатайствовать еще и о сборѣ на памятникъ Черняеву и предлагали вопросъ этотъ отложить до болѣе благопріятнаго времени, причемъ указывали на то, что въ Ташкентѣ какой ни на есть, а памятникъ Черняеву все-таки имѣется.

Ходатайство города о разрѣшеніи сбора пожертвованій представлено по инстанціямъ только въ январѣ текущаго года. Не торопятся.

Въ 1883 году покойный Михаилъ Григорьевичъ, будучи туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, вознамѣрился увѣковѣчить подвигъ своихъ соратниковъ по завоеванію Ташкента и память павшихъ при штурмѣ города сооруженіемъ величественнаго памятника. Онъ поручилъ академику Микѣшину составить проектъ такого монумента, что тотъ и исполнилъ. Составленный имъ проектъ былъ доложенъ государю императору и 2-го іюня 1883 г. удостоился высочайшаго утвержденія, причемъ послѣдовало высочайшее повелѣніе памятникъ по этому проекту поставить въ центрѣ русской части города, передъ зданіями гимназій, на томъ именно мѣстѣ, гдѣ теперь воздвигнуть кауфманскій.

Въ то время эта площадь, несмотря на свое центральное положеніе, представляла настоящій пустырь, заросшій бурьяномъ, съ буграми и ямами, изъ которыхъ добывалась глина для выдѣлки сырцовыхъ кирпичей. Ямы въ то же время служили ночнымъ при-

ютомъ бездомнымъ «чаулинцамъ», какъ здѣсь назывались тогда босяки-пропойцы и разный бродячій сбродъ. Въ одной части этого пустыря, передъ зданіемъ мужской гимназіи, находилась могила генерала Кауфмана, обнесенная рѣшеткой и съ посаженными вокругъ нея четырьмя карагачами. Площадь пересѣкалась дорогами изъ города на выѣздъ въ Россію, на ярмарку къ лагерямъ и на почтовый трактъ въ Фергану.

Черняевъ горячо было взялся за осуществленіе своей мысли. Онъ заключилъ договоръ съ Микѣшинымъ на выполненіе сооруженія по его проекту, по которому стоимость памятника опредѣлялась свыше сорока пяти тысячъ рублей. Кромѣ того, Михаилъ Григорьевичъ исхлопоталъ бесплатный отпускъ двухсотъ пудовъ мѣди изъ петербургскаго артиллерійскаго склада на отливку фигуръ и металлическихъ частей. Въ Ташкентѣ онъ образовалъ особый строительный комитетъ подъ предсѣдательствомъ участника штурма протоіерея о. Андрея Малова. Рисунокъ памятника былъ помѣщенъ въ иллюстрированныхъ журналахъ и отпечатанъ отдѣльно въ тысячѣ экземпляровъ для разсылки по Россіи вмѣстѣ съ подписными листами для сбора пожертвованій. Послѣдній предполагалось производить повсемѣстно, но на первыхъ порахъ онъ былъ открытъ только въ предѣлахъ округа.

Черняевъ прежде всего озаботился подготовкой мѣста для памятника. Онъ приказалъ очистить и привести указанную площадь въ порядокъ, срыть на ней бугры, заровнять ямы. Работы эти выполнялись даровымъ трудомъ войскъ ташкентскаго гарнизона. Для этого ежедневно наряжалось по двѣсти человѣкъ съ необходимыми инструментами и принадлежностями. Всѣмъ дѣломъ руководилъ командиръ третьяго западно-сибирскаго линейнаго батальона полковникъ Церпицкій, бывшій саперный офицеръ ¹⁾.

Такимъ образомъ площадь скоро была приведена въ порядокъ: выровнена, вычищена и разбита на аллеи подъ городской скверъ и засажена деревьями. Съ этой цѣлью былъ устроенъ праздникъ древонасажденія. Михаилъ Григорьевичъ принялъ личное участіе въ посадкѣ деревьевъ: первое дерево въ новомъ скверѣ—липа—было посажено имъ самолично противъ зданія мужской гимназіи. Второе дерево, по близости отъ перваго, посадилъ бывшій въ то время въ Ташкентѣ епископъ Неофитъ. Запущенный до этого времени пустырь разомъ преобразился и сталъ неузнаваемъ. Черняеву, однако, не удалось довести дѣло сооруженія памятника до конца. Въ началѣ 1884 года онъ покинулъ Туркестанскій край.

И дѣло затянулось.

Да и о Черняевѣ стали позабывать.

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ 1-го Туркестанскаго армейскаго корпуса; во время русско-японской войны командовалъ 10-мъ армейскимъ корпусомъ.

Памятникъ въ одной верстѣ отъ гор. Чимкента на мѣстѣ русской батареи, стрѣлявшей по крѣпости въ 1864 году; внутри похоронены 9 русскихъ солдатъ.

Разведенный же его заботами скверъ скоро разросся и сталъ украшеніемъ города.

Первоначально предполагалось назвать его въ честь насадителя Михайловскимъ, а первое посаженное Черняевымъ дерево ого-

родить особой рѣшеткой, къ самому дереву прибить металлическую дощечку, на которой вырѣзать годъ устройства сквера, кѣмъ и когда дерево посажено; а также и то, что самый скверъ устроенъ и насажденъ трудами войскъ ташкентскаго гарнизона, что это составляетъ ихъ жертву, ихъ лепту, ихъ общій даръ для предполагаемаго памятника въ честь павшихъ при завоеваніи города товарищей. Но объ этомъ скоро забыли, и до сихъ поръ ничто изъ этихъ похвальныхъ предположеній не выполнено. Скверъ вмѣсто Михайловскаго сталъ называться Константиновскимъ въ честь Кауфмана, потому что генералъ былъ похороненъ на этой площади, а потомъ здѣсь, на мѣстѣ погребенія, сооруженъ въ честь его красивый памятникъ, обнесенный желѣзной рѣшеткой. Здѣсь поставленъ также и новый кауфманскій памятникъ.

Нѣтъ ограды вокругъ перваго черняевского дерева, и его указать могутъ только старожилы. Нѣтъ и доски на деревѣ съ соотвѣствующими надписями о времени насажденія сквера и о томъ, кому городъ обязанъ этою прелестью.

Такъ мѣняются времена и настроенія.

Такъ неблагоприятное ташкентское общество (скорѣе городское управленіе) чтитъ память покорителя и основателя города и насадителя лучшаго въ городѣ сквера, вѣрнѣе, парка.

Обидная забывчивость!

Оградка вокругъ дерева и доска съ надписями не потребовала бы большихъ расходовъ, не обременила бы городской казны. Ужъ хоть бы за пятьдесятъ лѣтъ почтили память родного героя этой бездѣлицей.

Еще примѣръ параллели, подчеркивающей ташкентскую забывчивость и невнимательность къ дѣйствительнымъ заслугамъ.

Осенью прошлаго 1913 года въ Самаркандѣ торжественно праздновалось открытіе памятника строителю Закаспійской желѣзной дороги генералу М. Н. Анненкову, чествовалась память этого достойнаго дѣятеля въ среднеазіатскихъ пустыняхъ, работавшаго здѣсь двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Безспорно, заслуги этого знаменитаго русскаго инженера-строителя передъ родиной громадны; но вѣдь и взятіе съ горсточкой удалцовъ большого укрѣпленнаго Ташкента, повлекшее за собою присоединеніе обширныхъ бухарскихъ, кокандскихъ и хивинскихъ земель, тоже вещь не пустая, не шуточная.

Не овладѣй мы въ свое время Ташкентомъ, намъ бы не видать ни закаспійскихъ пустынь, ни туркменскихъ ауловъ, ни бухарскихъ оазисовъ, ни предгорій Гиндукуша; не покорились бы намъ ни Самаркандъ, ни Фергана, не подчинились бы ни Бухара, ни Хива, и ужъ, конечно, не пришлось бы тогда проклады-

вать рельсы чрезъ эти замкнутыя до того времени для европейцевъ средне-азиатскія страны съ фанатичнымъ мусульманскимъ населеніемъ.

Въ данномъ случаѣ при приведеніи этого сравненія не только уже обидно за пренебреженіе памятью Черняева, но прямо стыдно и больно становится и за ташкентцевъ да и за Россію, что въ ней не чтутся равно и достойно заслуги доблестныхъ ея сыновъ.

Вѣдь доблестный герой, благородный человѣкъ Черняевъ своимъ подвигомъ открылъ намъ, русскимъ, широкія ворота въ Среднюю Азію. До него мы болѣе столѣтія безпомощно толклись на берегахъ Урала и Иртыша, а затѣмъ, занявъ низовья Сыръ-Дарьи и боясь раздражать Англію, черепашимъ шагомъ двигались вверхъ по рѣкѣ и къ предгорьямъ Тянь-Шаня. Но вотъ прилетѣлъ орелъ, широко размахнулъ могучими крыльями, разомъ разрушилъ созданную нами же воображаемую преграду и своей беззавѣтной отвагой поразилъ, покорилъ умы и воображеніе среднеазиатцевъ, внушилъ имъ уваженіе къ русской власти, вибрировалъ обаяніе русскаго имени, поселилъ въ сердцахъ ихъ страхъ предъ непобѣдимостью русскаго оружія, предъ русской стойкостью и силой; тогда ужъ стало легко подвигаться впередъ, и завоеванія новыхъ областей слѣдовали одно за другимъ быстрымъ темпомъ.

Такъ почему же такая разница въ оцѣнкѣ?

Почему память однихъ позднѣйшихъ дѣятелей на подготовленной уже почвѣ скорехонько торопятся увѣковѣчивать грандіозными памятниками, а болѣе ранняго дѣятеля, безъ усилій и трудовъ котораго не было бы и позднѣйшихъ успѣховъ, забываютъ или медлятъ съ воздаяніемъ ему должнаго почитанія, словно чего-то еще выжидая.

Чѣмъ объяснить такое равнодушіе, такое обидное забвеніе личности русскаго народнаго героя М. Г. Черняева, презрительное невниманіе къ его неоцѣнимымъ заслугамъ?

Неужели пятидесятилѣтняя давность затмила умы соотечественниковъ, застлала туманомъ забвенія славу героя, которымъ должна гордиться русская земля?

Неужели только потому, что при жизни онъ былъ слишкомъ прямолинеенъ, не умѣлъ подлаживаться подъ чужіе вкусы и мнѣнія?

Какъ при жизни онъ былъ одинокъ, не имѣлъ ни связей, ни протекціи и только силою своего таланта, настойчивости и мужества выдвинулся изъ толпы, такъ и по смерти остался одинокимъ. И воскресеніе памяти Михаила Григорьевича было бы особенно умѣстно теперь, когда снова, какъ и при немъ, на Балканскомъ полуостровѣ льется славянская кровь во имя свободы и братства всѣхъ славянскихъ народовъ. Пусть кропяемая этою кровью волны славянскихъ рѣкъ ударяясь о берега, громко

напомнятъ нынѣ о *томъ герцѣ*, имя котораго есть символъ славянскаго торжества и свободы.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что, кромѣ сооруженія памятниковъ генералу Черняеву въ ознаменованіе пятидесятилѣтняго существованія города Чимкента подъ русскимъ владычествомъ, начальникъ уѣзда полковникъ В. П. Колосовскій, какъ представитель городского хозяйственнаго управленія, возбудилъ ходатайство о переименованіи города ко дню юбилея въ городъ «Черняевъ».

М. Л. Юдинъ.

